

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ ГОРЕЧЬ...

«Ночной патруль» и утренняя поверка

Идея, коли уж предельно откровенно, была навязана в ЦК: люди боятся выходить на улицу, эти негодяи – экстремисты, разные другие вражеские элементы – вбили им в голову, что военные бесчинствуют. Вот вы и подготовьте парочку-тройку материалов, что все это – наветы, ничего общего с реалиями не имеют, что, наоборот, жизнь после 20 января вошла практически в нормальную колею. А что касается ночного патрулирования, то тут извините: таковы требования объявленного высшими властями чрезвычайного положения и комендантского часа.

Исполнение после недолгих дебатов было поручено нам с фоторепортером Агали Мамедовым, а интерпретацию взял на себя, естественно, наш редактор в «Бакинском рабочем» Геннадий Глушков (он не был ни бакинцем, ни сумгайтцем, а был родом и отроческими годами из Ельца, если я не ошибаюсь, но он, царство ему небесное, был и искренним нам, азербайджанцам, другом и за те первые 3-4 года карабахского конфликта, что мы вместе работали, пока не переехал он в Москву, в газету «Панорама Азербайджана», столько добрых дел сделал, что и не счесть!..)

Вот и в то утро, когда мы положили на его стол репортаж из нескольких страничек машинописи и пару десятков фотографий, привычно отобрал он самые яркие, быстренько просмотрел текст, поправив некоторые строчки, а потом сказал: «Сейчас, ребята, военный цензор будет читать. Лишь бы у него замечаний не было...».

Военный цензор, угрюмый подполковник с по-костромски вздернутым носом и злыми, не улыбочивыми глазами, долго и нудно скрипел и вечным пером, и стулом, и, кажется, всеми своими немолодыми костями, прежде чем одолел написанное мною и просмотрел запечатленное на пленке Агали Мамедовым, почти вслух посетовал, что не снял ни одного слова (у них это почему-то «вычерком» называется), и наконец шлепнул свой штамп, допускающий материал к публикации, но, тем не менее, недобрым голосом предупредил: «У вас нет права ни на одну поправку после меня и без согласования со мной».

Как будто мы этого не знали... Меня об этом еще командир того подразделения предостерег, в котором мы накануне вечером попросились в ночной наряд вместе с патрульными. Мол, мы в редакции хотим рассказать читателям, как вся эта работа осуществляется, много ли проблем выпадает на их долю и в самом ли деле есть в Баку криминогенные районы, где вооруженные боевики с наступлением комендантского часа првят бал.

Командир этот, полковник с щегольскими усиками, оказался почти земляком-кавказцем из Кисловодска, и мне показался свойским. Многозначительности в разговоре, которая была присуща многим его однополчанам в те дни, себе не позволял, а просто и бесхитростно сказал:

– Ну что я буду морочить тебе голову, журналист? Хочешь своими глазами все увидеть – пожалуйста. Тем более что в штабе обговорили вы свою задумку, препятствий никто чинить не станет. Наоборот, дана команда, но это строго между нами, помочь вам максимально, чтоб воочию и вы сами, а ваши читатели с вашей помощью убедились, что мои люди нарушений правопорядка не ищут и не создают сами, напротив, всеми силами готовы предотвратить злой умысел или, на худой конец, погасить его...

И в самом деле, мы с фоторепортером почти всю ночь провели в военном УАЗике вместе с патрульными – молоденьким лейтенантом, только выпустившимся из Харьковского училища, которому не давал покоя мой диктофон, привезенный год назад из Голландии, и он все спрашивал, японского ли эта штука изготовления, и время его солдатами, не считая водителя, готовыми по первому же приказу своего командира «спешиться» и прояснить до конца малейшую показавшуюся подозрительной ситуацию. И должен сказать, что за те 5-6 часов, что были мы в наряде, такая возможность им представилась всего лишь дважды.

Сперва где-то около половины первого близ кинотеатра «Дружба», там, где нынче американское посольство, заметили они легковушку, мчавшуюся с потушенными фарами вверх по проспекту, носящему тогда имя Ленина, а сейчас – Азадлыг. Естественно, тормознули – после 12.00 без спецпропусков ни люди, ни тем более авто не имели права находиться на улице.

Оказалось, молодая женщина за рулем своего «Жигуленка» едет домой, а живет в 16-этажке, что рядом с памятником Карлу Марксу, «аусвайса», понятное дело, у нее нет. «Была, понимаете, у родителей, – чуть не плача, говорила она лейтенанту, с надеждой при этом поглядывая на нас с Агали Мамедовым, – заболтались с мамой, вот и опоздала... Да вы нас, молодой человек, отпустите... Мы ж не бандиты какие, видите, дети спят... И тут ведь недалеко...».

Я успел ей шепнуть, и не по-азербайджански, а по-русски специально так, чтоб все слышали, что командир у нас сердобольный парень, да и подчиненные у него славные ребята, даром, что ли, в дивизии имени Дзержинского служат (а была это самая суровая, если не сказать – жестокая часть, примерно несущая

свою карательную службу!). Женщина мгновенно подхватила, еще и слезу пустила, и лейтенант в этой очень непростой ввиду нашего с Агали присутствия ситуации принял более чем гуманное решение: приказал своему водителю ехать за задержанной вплоть до самого ее подъезда. А когда не верящая своему счастью женщина вышла из кабины и принялась благодарить патрульных, приглашать на радостях их к себе домой на чашку горячего чая и «еще чего-нибудь покрепче», лейтенантик наш вообще смутился и, нахмурившись нарочито, строгим голосом велел ехать. Но через пару минут не сдержался и затеребил меня за рукав: «Скажите-ка, верно я поступил? Ведь не террористка она, и дети ее – не боевики... И правда же, не задерживать их нужно было, а отпустить?! Или я что-то не так делал?..»

Мы, разумеется, с коллегой-фотокорреспондентом как могли пылко вторили ему, солдаты, его подчиненные, тоже, вопреки нашим представлениям, поддержали нас, и в таком благодушном настроении подъезжали мы к зоопарку, когда неожиданно из придорожных кустов раздались хлопки, очень похожие на звуки пистолетных выстрелов.

«За мной!» – скомандовал вмиг посуровевший лейтенант и почти на ходу выбросился из машины. Следом солдаты, успевшие, однако, крикнуть на ходу нам: «А вы – ни с места!»

Спустя минуту они привели, подталкивая в спину, двух сопливых пацанов лет по 10-12. «Чертенята! – еле, по-видимому, сдерживая желание отмазнуться, повторял лейтенант. – Пластиковыми пакетами, видишь ли, балуются, хлопушки из них устраивают... Тоже мне, нашли время...»

– А вы подумали, стреляют? – постаравшись утаить насмешливые нотки в голосе, спросил я.

– Вот именно! – не понял подвоха лейтенант. – Сметенко, – повернулся он к одному из патрульных, – дай им пару раз по шее, и чтоб глаза мои больше их не видели!.. – и уже вдогонку: – Только, Сметенко, не перестарайся, а то, знаю, рука у тебя больно тяжелая.

Какая заботливость, безо всякой, должен честно признать, иронии подумал я в ту секунду. Зря все-таки болтают люди, что, мол, патрули с задержанными грубо обращаются, зачастую унижают их человеческое достоинство, не щадят даже людей много старше себя. Вон же наш лейтенант!..

А он меж тем рассказывает о своем коменданте, и в голосе его звучат-переливаются восторженные, завистливые, наверное, интонации. «Он и молод, и красив, и строг со своей отборной матерщиной, и справедлив, и мы все стараемся подражать ему. Только вот фамилия его, кажется, подвела – не Орел, что было бы при его характере и образе мышления весьма кстати, а Лебедь, птица хоть и величавая, но какая-то нежная, женственная, что ли», – заключил лейтенант.

– Знаете, что он сделал надесь? Велел директору гостиницы «Бакы», где живут офицеры районной комендатуры, в их номерах телевизоры поставить, а тот возьми да не выполни приказ. Ну, рассвирепел полковник, скомандовал взять под арест того строптивого директора и посадить его в камеру-одиночку. Но как только рано утром следующего дня телевизоры были поставлены и включены, приказал освободить его, но прежде чем разрешить вернуться в директорский кабинет, такой ему нагоняй дал, что всю жизнь будет помнить!..

И помнил ведь бедолага неподступного полковника Лебеда, до самой смерти своей преждевременной помнил, я хорошо знаю!.. Потому что был тот незадачливый директор гостиницы – родственником близким моей сестры, и ей он не раз рассказывал, как грубо обошлись с ним десантники этого полковника, как бесчеловечно оскорбляли его, пока в холодной и сырой насквозь одиночке ночь он коротал...

Я и верил лейтенанту нашему, и не верил, пока не приехали мы, завершая под утро ночное патрулирование, в 8-е отделение милиции, что напротив кинотеатра «Шафаг» располагалось (сейчас там 22-е отделение полиции Насиминского района дислоцировано). И тут, пообщавшись несколько минут с оперативным дежурным, пожилым майором, пол-лица которого занимали усталые, печальные глаза, понял, что всю ночь эти четверо патрульных во главе со своим командиром водили нас, образно говоря, за нос.

– Вы бы видели, – осторожно подбирая слова, тихонечко говорил мне майор-дежурный по-азербайджански, – что они вытворяют с нашими людьми, когда приводят сюда кого-нибудь... Самое безобидное – пара ударов прикладом автомата по спине или в грудь... Но чаще – это несколько увесистых тумачков по лицу, в печень, в пах... И ни за что ведь... Только потому, что человек попал сюда... Ни тебе допроса, ни протокола, как должно быть. Избили в кровь, обозвали «турком грязным» или «чуркой», раздели догола и затолкали в холодную камеру... А попробуй кто-нибудь из нас, милицейских, даже офицеров, что-то сказать в защиту задержанных, мгновенно наводят на нас автомат и, злобно ругаясь, площадными словами обвиняют в сговоре с «боевиками», в пособничестве «экстремистам» и грозят тоже под арест заключить... И управы на них – никакой... Вот вчера или позавчера нагрянул какой-то их полковник, в дым пьяный, и с ним – двое в штатском. Какого-то Насирова искали, всех задержанных по многу раз о нем спрашивали... Естественно, не нашли... И со зла, раздосадованные, самолично нескольких безобидных нарушителей комендантского часа, приличных, немолодых людей до полусмерти избили, автомат на них наставляли, грозили пристрелить на месте, а уезжая велели их не кормить-не поить до особого распоряжения... Как таких называть-то?!

Горестный монолог этот перебивает ворвавшийся с улицы здоровенный прапорщик, от щек которого можно, кажется, прикуривать. Тесное помещение дежурки мгновенно наполняется запахом перегара,

сапожной ваксы и отборным матом вперемешку с женским плачем и детским визгом.

– Доставили очередную партию задержанных, – шепчет нам майор, неожиданно для меня во фрунт вытянувшийся, много старше по званию, перед нахрапистым этим белобрысым прапорщиком с «Калашниковым» наперевес. – Смотри-смотри, гардашым, что сейчас будет...

Я не выдерживаю этой сценки, когда люди, едва переступив порог, от одной зуботычины ли, толчка, тычка, оплеухи ударяются лицом о стену, падают на заплыванный, помеченный темно-рыжими пятнами засохшей, как я понимаю, крови пол и с мольбой обращают лица свои к этим нелюдям в военной форме, в отчаянии хватают их за руки-ноги с надеждой не быть битыми...

Бочком-бочком выхожу, стараясь не прикоснуться к кому-нибудь, даже ненароком задеть кого-либо из веселоржущих, гогочущих, заливающихся издевательским смехом этих извергов в человеческом облике. И впервые за те годы, что бросил курить, по-настоящему остро сожалею, что постинфарктное состояние и табак, никотин – вещи явно несовместимые...

В «Ночной патруль» (под этим полустандартным заголовком и был напечатан в «Бакинском рабочем» наш с Агали Мамедовым репортаж) все эти подробности, разумеется, не попали. Да и кто рискнул бы такое опубликовать? Ни цензура военная не пропустила бы (в ее глазах и ее представлении взаимоотношения местного населения и военных, в ночь на 20 января вступивших, по официальной версии, в Баку для сохранения конституционного строя, были более чем идеальны и исключительно дружелюбны), ни промосковски верноподданнически настроенный ЦК партии, органом которого была наша газета. И КГБ, к тому же, с его страшными застенками и изуверскими методами дознания бдительно стоял на страже интересов Кремля и преданных ему местных вассалов.

Вы знаете, я всю журналистскую жизнь гордился и горжусь своими публикациями – что солидным полосовым опусом, что 20-строчной заметулькой, радовался и радуюсь по-детски, когда видел и вижу по сей день свою подпись на газетной полосе. Но поверьте, говорю вполне искренне: «Ночной патруль» тот, в январе-феврале печально памятного 1990 года написанный и напечатанный, я стыжусь назвать вышедшим из-под моего пера. Мне противны те строки, одна половина которых насквозь лжива, а половина другая состоит из недоговорок и по-эзоповски иносказательно построенных фраз... Простите меня за те строки, люди...

Я честно сказал об этом редактору, когда наутро вызвал он меня к себе и добавил, обычно очень сдержанный и вежливый, прежде чем положить трубку селекторного телефона: «И побыстрей. Пожалуйста. Ты очень нужен!» Я грешным делом подумал, что военные что-то невыгодное для себя узрели в «Ночном патруле», рекламацию какую-то затеяли, однако...

– Вот что, Акшин Зекиевич, – переходя на официоз, что с ним бывало в особо важные мгновенья, сказал мне редактор, – у нас ЧП, погляди-ка на них.

И только тут я обратил внимание на сидевшую за приставным столом сотрудницу нашу из партийного отдела, немолодую женщину с синяком под глазом, и шофера дежурной «Волги», тщетно обеими руками пытавшегося прикрыть в кровь разбитые губы, кое-как замазанную глубокую царапину на лбу и налитые слезами глаза.

– Их патрули твои так отделили, – сожалеючи добавил редактор и произнес решенным уже тоном, не оставляющим места для обсуждений или возражений: – Ты прямо сейчас от меня по правительственному телефону позвони генералу Дубиняку, вырази ему наше возмущение и осуждение и потребуй, чтоб разобрались они там со своими костоломами, которых ты, – он не мог этого примечания не сделать, потому что с самого начала возражал против идеи «Ночного патруля» и только под откровенным нажимом ЦК, скрепя сердце, вынужден был его опубликовать, – расписал как «божьих ангелов». И нам обязательно нужно письменное извинение, которое мы должны, понимаешь, обязаны напечатать!

Хотел я возразить редактору, что, дескать, ни генерал Дубиняк, военный комендант Особого района Баку, фактически оккупировавший город, ни его заместители трубку даже правительственного телефона самолично поднимать не станут, да передумал. Пусть, решил, своими ушами услышит и своими глазами увидит, как его далеко не идиллически обстоят дела в реальности...

Как и предполагал я, адъютант Дубиняка, отозвавшись на звонок, скучающим голосом сообщил, что генерал объезжает вверенные ему участки, и никто не знает, когда он будет на месте. Но я продолжал настаивать, акцентируя внимание собеседника на том конце провода, что звоню из газеты, являющейся органом Центрального комитета Коммунистической партии, и, кажется, сумел убедить этого научившегося соответствовать требованиям Устава и Программы КПСС служивого выразиться более-менее определенно.

– Но на месте сейчас начальник политуправления комендатуры, – сказал он нехотя. – Это как раз по его части...

Я не стал медлить и через полчаса был уже в «хозяйстве» генерала Дубиняка. Ожидал увидеть какого-нибудь солдафона, если уж предельно откровенно, с полупьяными глазами, в мятом кителе, а навстречу мне из-за стола поднялся гладко выбритый полковник (если не изменяет мне память, его звали Чичкуров, Игорь Чичкуров), от которого приятно пахло дорогим одеколоном, в свежей форменной сорочке при форменном же галстуке и, протянув для рукопожатия ладонь с аккуратно подстриженными ногтями,

предложил сесть и спросил, чаю бы я хотел выпить или кофе.

– Ни того, полковник, ни другого, – поблагодарил я, пораженный интеллигентскими манерами его и неподдельным интересом в обращенных ко мне очах. – Я просто очень прошу вас, – хотел сказать «требую», как на том настаивал, провожая меня, мой редактор, но, сбитый с толку поведением этого не старого еще офицера, на ходу поправился, – дайте команду найти тех мерзавцев, которые подняли руку на журналиста, на коммуниста, в конце концов на женщину, – и добавил неожиданно, кажется, даже для самого себя, – на русскую женщину.

– Не будете ли вы любезны повторить мне хотя бы в двух-трех словах, что же все-таки заставило так волноваться уважаемую редакцию «Бакинского рабочего», – мгновением позже он продемонстрировал глубокие познания в истории советской печати, – старейшей в СССР большевистской газеты? Если не ошибаюсь, она даже раньше ленинской «Правды» стала выходить?

– Совершенно верно, – сказал я, польщенный, что уж скрывать, такой богатой эрудицией своего визави. – И мне тем более обидно и больно, что...

И я, стараясь не утомлять его подробностями, вкратце поведал, что возвращающихся после ночного дежурства в типографии сотрудников редакции возле зоопарка (вы помните, и я там прошлой ночью был с патрульными? Обратите внимание на это совпадение!) остановил наряд. Документы и у шофера, и у журналистки, заведующей партийным отделом, были в порядке, в том числе и пропуск, кстати, самим комендантом подписанный, но, тем не менее, старший наряда, офицер в куртке, на которой погоны не очень-то четко просматривались, велел им выйти из машины.

– А зачем? – только и успел спросить водитель наш, сам, между прочим, действительную в ВДВ отслуживший, и тут же получил зубодробительный удар в скулу и рухнул на асфальт, как подкошенный. Хотел, тренированный, вскочить и отреагировать, как учили, но на него навалились несколько солдат и принялись бить ногами, прикладами по лицу, по голове, в живот.

– Что ж вы делаете, ребята?! – вскричала женщина, выбираясь из кабины, но ее грубо схватили за руки, выволокли буквально на проезжую часть и профессиональной подсечкой сбили с ног. – Да как вам не стыдно, я ж вам в матери гожусь! – только и успела вскричать она, но было поздно.

Впрочем, обошлись с ней все же помягче. Просто уложили лицом на асфальт, один из патрульных для пущей наглядности, что ли, даже наступил ей на затылок сапогом, и продержали в такой вот изуверской позе с четверть часа. А при малейшей попытке поднять голову, что-то сказать пребольно били, приговаривая: «Будешь знать, гадина, как туркам служить!..»

– Да, конечно, вопиюще, – сделал скорбное лицо полковник, – ни в какие рамки не укладывается... И как же нам поступить?

– Думаю, – повторил я, – что вам надлежит срочно выявить этих отморожков и примерно наказать их. Чтобы другим неповадно было...

– Не нам, а и вам, – мягко поправил меня офицер из политуправления, которого так и хотелось назвать комиссаром. – А ваши... э-э-э... пострадавшие запомнили их? Или, может, знают, как звать-величать этих, как вы сказали, отморожков?!

– Да нет, – возразил я, – не думаю...

– Ну, в таком случае, – тон моего нового знакомого стал еще елейней, – у меня нет иного выхода, как провести процедуру опознания. – С этими словами он поднял трубку телефонную. – Вот я сейчас прямо при вас дам команду, и всю комендатуру сейчас же для внеочередной проверки построют на плацу. А вы, со своей стороны, пригласите сюда ту женщину, которая партийным отделом в редакции у вас заведует, и шофера вашего, бывшего, как вы утверждаете, десантника. И пусть в присутствии всего воинского контингента ткнут пальцем в тех, кто ночью измывался над ними. Как только они это сделают, даю вам слово офицера, я передам дело в военную прокуратуру, и виновные понесут должное наказание. Но если, – голос полковника внезапно посуровел и налился сталью, – они, эти ваши коллеги, которые пытаются выдать себя за потерпевших от рук советских солдат, прибывших сюда для вашей же безопасности и соблюдения конституционного порядка, не сумеют опознать тех, кто якобы поднял на них руку, значит они занимаются очернительством и пытаются опорочить всю советскую славную армию. И наказывать будем уже их!..

У меня не было слов. Ведь какое иезуитство, какая изощренная позиция, какой цинизм!.. И где только этого полковника обучили премудростям артистического ремесла, откуда в нем столько умения прикидываться паинькой?!

– Вы что, полковник, издеваетесь надо мной?! Это же уму непостижимо – среди тысяч солдат опознать троих, которых толком-то они и не рассмотрели, не успели, вернее, рассмотреть, подвергаясь избиениям...

– Я попрошу выбирать выражения! – теперь уже этот хамелеон в военном мундире говорил жестко и беспощадно. – Повторяю, речь идет о чести и достоинстве советского солдата, воина-освободителя, и я не позволю...

– Ну, уж нет, полковник, это я не позволю, – сознательно невежливо перебил я, – читать мне мораль и повторять банальнейшие истины. Вижу, что мы с вами друг друга не понимаем, и мне придется искать справедливость в другой инстанции. Подпишите мой пропуск, больше нам с вами говорить не о чем!

– А если не подпишу? – медленно, чуть ли не по слогам произнес полковник (он, потом офицеры комендатуры рассказывали, весь Афган прошел, немало, видимо, праведной мусульманской кровушки выпил). – Вот возьму и не подпишу ваш пропуск, и вас отсюда не выпустят, признают нарушителем и начнут допрашивать, зачем да почему да к кому вы сюда, в военную комендатуру Особого района, пришли. И что вы ответите? – он пометил мой пропуск, снисходительно улыбаясь, и на прощанье даже протянул руку, но я постарался этого не увидеть. – А впредь отдавайте себе отчет, где вы находитесь и с кем разговариваете. А то, – и проговорил, явно передразнивая меня, – «накажите виновных, дайте ответ редакции...» Да идите вы знаете куда со своей газетой, со своими журналистскими правами, со свободой печати!.. В гробу бы я вас видеть хотел. И мои солдаты тоже!..

... Та женщина, которая у нас в «Бакинском рабочем» заведовала отделом, коренная, кстати, бакинка, вскоре после так и не «отмщенного» инцидента в районе зоопарка рассчиталась и уехала. Куда-то в Россию, как сказала при случайной встрече много позже ее сестра.

А шофер по-прежнему в строю. Правда, ушел из редакции, в офисе каком-то баранку крутит. Мы иногда видимся, но ни он, ни тем более я разговор о его ночном общении с десантниками и вообще о десантном прошлом не заводим.

Но полагаю, ни она того, что случилось тогда, в морозную зимнюю ночь, не забыла, если конечно, жива и здравствует, ни он... Такое, знаете, не забывается...

А интересно, подонок-полковник и ему подобные многоликие янусы?.. Помнят ли?!

Акшин КЯЗИМЗАДЕ,
заслуженный журналист Азербайджана